

О. Р. Будина

О СООТНОШЕНИИ ОБЩИХ И ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

(на примере балканских этнических групп
на Украине и в Молдавии)

Разработка проблемы культурной традиции, предпринятая в последнее время и отраженная, в частности, в дискуссии в журнале «Советская этнография»¹, способствует исследованию этнографических сюжетов в аспектах, выявляющих механизм формирования и действия этой традиции.

Этнографическое изучение народной культуры и быта всегда было направлено на выявление общего и особенного в культуре этнических общностей, взаимодействие их культур и на определение генезиса отдельных культурных явлений. Поэтому поднимавшийся в дискуссии вопрос о дифференцировании традиций и их компонентов на «общие» и «локальные»² не является принципиально новым для этнографов. Вместе с тем осмысление механизма традиции и заострение внимания на относительности понятий «общая» и «локальная» традиции придают, на наш взгляд, новый акцент анализу этнографических фактов и могут быть полезными для уяснения формирования культурных традиций и их вариативного функционирования.

Теоретическое различение «общих» и «локальных» традиций в принципе верно, однако оно часто оказывается весьма условным; конкретный анализ явлений бытовой культуры обнаруживает живую и динамичную картину их взаимосвязи. Происходящая в пространственно-временных границах смена культурно-бытовых ситуаций нередко ведет к изменению характера традиции. Так, например, локальная традиция при соответствующих условиях может превратиться в общую, и, наоборот, общая — приобрести локальный характер. Определенная условность разграничения традиций объясняется, видимо, тем, что в качестве общих и локальных могут выступать традиции историко-культурных общностей как разного таксономического уровня (например, полиэтнические регионы различных масштабов), так и разного вида (например, этническая группа и историко-этнографическая область)³. Условность эта усугубляется и недостаточной разработанностью терминологического аппарата, что особенно ощущается при необходимости обозначить сложные культурные связи.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть судьбы некоторых традиций у балканских этнических групп (потомков выходцев с Балканского полуострова), живущих на Украине и в Молдавии, — болгар, греков, гагаузов, албанцев⁴. При этом, учитывая сказанное об условности

¹ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции. — Сов. этнография, 1981, № 2; здесь же и в № 3 см. обсуждение статьи Э. С. Маркаряна.

² Сов. этнография, 1981, № 2, с. 84—86.

³ О многообразии историко-культурных общностей и их соотношении см.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, ч. 1, очерк 4-й — Основные формы этноса. Иерархия этнических общностей.

⁴ При написании статьи использованы полевые материалы автора, собранные в Донецкой, Запорожской, Одесской областях УССР в 1969—1975 гг., и имеющаяся этнографическая литература. О бытовой культуре этих групп см., например: Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. — Этнографическое обозрение (далее — ЭО), М., 1900, № 1; 1901, № 1, 2, 4; 1902, № 3; Державин Н. С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии), т. I. — В кн.: Сборник за народни умотворения и народописъ, кн. 29, София, 1914; т. II, Петроград, 1915; его же. Албанцы-арнаулы в Приазовье. — Сов. этнография, 1948, № 2; Маркова Л. В. Поселения и жилище болгар-переселенцев в Бессарабии. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955, в. 24; Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф. Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время. — В кн.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964; Маркова Л. В. Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР (к вопросу об устойчивости этнических традиций). — В кн.: I Конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. М.: Наука, 1966;

разграничения традиций, мы считаем полезным сосредоточить внимание на выявлении специфики той или иной традиции и масштабов ее выражения.

Хронологически анализ ограничивается XIX—XX вв., т. е. временем после переселения изучаемых групп в пределы нашей страны, а территориально — местами их компактного проживания в Одесской (болгары, гагаузы, албанцы), Донецкой (греки), Запорожской (болгары, гагаузы, албанцы), Кировоградской (болгары) областях Украинской ССР и в южных районах Молдавской ССР (болгары, гагаузы).

Обращение к этим этническим группам для темы нашей статьи представляет особый интерес. Все они на протяжении длительного времени вовлекались в различные межэтнические контакты, что обуславливало активное взаимодействие культурных традиций. Кроме того, при несомненном генетическом различии рассматриваемых групп, в их этнокультурном развитии были объединяющие моменты. Прежде всего, все они — выходцы с Балканского полуострова, — специфической историко-культурной области. Это позволяет предполагать определенную общность унаследованного культурного фонда, восходящего к тем временам, когда их предки были обитателями Балкан. В разное время и в силу различных причин эти группы оказались на территории нашей страны: греки в последней четверти XVIII в. переселились в Приазовские степи из Крыма; болгары, гагаузы и албанцы в основном в начале XIX в. пришли в южную Бессарабию из Болгарии, а затем, в 1860-е годы, частично переместились в более восточные районы. При этом албанцы прожили в Болгарии по соседству с болгарами и гагаузами более двух столетий после того, как покинули свою родину⁵. Важно, что оторвавшись при тех или иных обстоятельствах от основного этнического массива, рассматриваемые группы в итоге оказались в иноэтнической среде, причем соседями их были преимущественно украинцы и русские, а в Бессарабии также молдаване. Это в свою очередь создавало возможности формирования у выходцев с Балкан общих традиций в новой для них ситуации. И, наконец, на современном этапе изучаемые группы развиваются в системе многонационального социалистического государства. Значительные изменения в их культуре связаны со все усиливающимися интеграционными процессами, происходящими как на Украине и в Молдавии, так и в масштабах Советского Союза в целом.

Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР (на материалах колхозов Болградского района Одесской области). Киев: Наук. думка, 1970; *Маруневич М. В.* Традиционная свадебная обрядность у гагаузов Молдавской ССР. — Этнография и искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972; *Маркова Л. В.* Типы болгарского жилища в Прутско-Днестровском междуречье. — Там же; *ее же.* О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар. — Сов. этнография, 1974, № 1; *Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине (историко-этнографический очерк). — Киев: Наук. думка, 1975; *Иванова Ю. В.* Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей (по материалам исследования греческого населения Донецкой области Украинской ССР). — Сов. этнография, 1976, № 2; Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М.: Наука, 1979 (см. статьи О. Р. Будины, Ю. В. Ивановой, О. Н. Ксенофоновой-Петренко, Л. В. Марковой и М. В. Маруневич); *Будина О. Р.* Жилище болгар, греков, албанцев. — В кн.: Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М.: Наука, 1979; *Курогло С. С.* Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1980; *Маруневич М. В.* Поселения, жилища и усадьба гагаузов южной Бессарабии в XIX — начале XX века. Кишинев: Штиинца, 1980; *Иванова Ю. В.* Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX—XX вв.). — Сов. этнография, 1981, № 4, и др.

⁵ Здесь мы не останавливаемся подробно на вопросах переселения, так как они рассматривались в специальных трудах, см., например: *Клаус А.* Наши колонии. СПб., 1869; *Державин Н. С.* Указ. работы; *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М.: Наука, 1970; *Мещеряк И. И.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в южной Бессарабии (1808—1856). Кишинев, 1970; *Кабузан В. М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII — первая половина XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1974; *Наулко В. И.* Указ. раб. и др. Кроме того, вопросы переселения так или иначе затрагивались во всех этнографических работах, посвященных этим народам (см. прим. 4).

Рис. 1. Дом с галереей из сырцового кирпича, обмазан глиной. Вторая половина XIX в. (с. Ботиєво Запорожской обл.). Фото А. В. Оськина, 1973 г.

Традициям, складывающимся в материальном быту, примерами из которого мы будем в основном пользоваться, обычно свойственна региональная специфика. Это в значительной степени относится к традициям в народном жилище, конструкции и формы которого во многом определяются природными условиями. Если обратиться к ранним жилищам переселенцев — болгар, греков, гагаузов, албанцев — можно увидеть, как они, оказавшись в новых условиях, стремились воспроизвести постройки, известные им по прежнему месту обитания. В частности, этим определяется, на наш взгляд, и значительное разнообразие ранних жилищ. На новом месте сооружались дома наземные и углубленные в землю, со стенами из плетня, глины, пластин дерна и др., что отражало сложившиеся прежде и хорошо известные переселенцам традиции домостроительства. Интересно, что некоторые традиции имели широкие ареалы во времени и пространстве. Это касается архаичных форм жилищ (например, полуземлянка, жилище из дерна), приемы сооружения которых, находясь как бы в арсенале народной памяти, выявляются в трудные моменты жизни, каким в данном случае было переселение.

Вместе с тем в числе ранних жилищ были и сложные для сооружения постройки. Переселенцы возводили их, не взирая порой на неблагоприятные местные условия. Так, несмотря на недостаток древесного материала, болгары в Бессарабии некоторое время строили плетневые дома, бытовавшие на их родине⁶. А греки, переселившиеся из Бахчисарайского района Крыма, делали срубы из древесных пластин, также известные по прежнему месту обитания⁷. Деревянных домов было немного, так как сооружение их обходилось дорого и было нецелесообразным в степных условиях. Однако в первой половине XIX в. такие дома все же возводились, ибо они отвечали стереотипному представлению определенной группы поселенцев о наилучшем жилище.

В пределах нашей страны у всех выходцев с Балкан как в Приазовье, где греки оказались в конце XVIII в., а болгары, гагаузы, албанцы — в 1860-е годы, так и в южной Бессарабии, куда основной поток задунайских переселенцев прибыл в начале XIX в., появились новые формы жилого дома. Сложившееся здесь жилище не повторяло в полном объеме

⁶ Маркова Л. В. Поселения и жилище болгар-переселенцев в Бессарабии, с. 6.

⁷ Будина О. Р. О некоторых особенностях развития жилища греков Приазовья. — В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году, II. М.: Наука, 1972, с. 197.

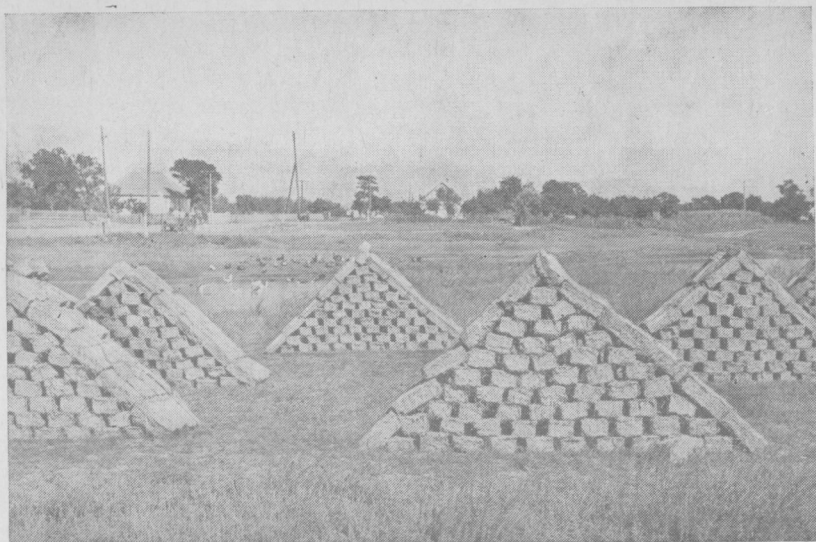

Рис. 2. Сушка кирпича для будущей постройки (с. Строгановка Запорожской обл.). 1973 г.

ни одного из жилищ, бытовавших на родине переселенцев или в местах их прежнего жительства. Новые традиции домостроительства явились следствием как приспособления переселенцев к иным экологическим условиям, так и культурного взаимодействия с иноэтничным населением. Эти традиции, сформировавшиеся примерно в середине XIX в., во второй половине XIX — начале XX в. реализовались в широком бытовании жилища, ставшего тоже традиционным для переселенцев.

Характерной особенностью строительной техники этого периода у интересующих нас групп в южной Бессарабии и Приазовье стало использование глины в качестве основного материала⁸. Техника сооружения стен из глиняных вальков и сырцового кирпича была известна на родине колонистов, но не была преобладающей в местах их выхода. Возможно, поэтому поселенцы не сразу воспользовались ею, хотя это было бы несложно при наличии необходимого строительного материала.

Нужно сказать, что и в наши дни в указанных районах расселения выходцев с Балкан широко используются строительные материалы, основой которых служит глина, — сырцовый и обожженный кирпич, черепица, раствор для обмазки. Таким образом, эта общая черта, сформировавшаяся в качестве региональной традиции, продолжает сохраняться. Кстати, различия в жилище рассматриваемых народов в Приазовье и бывшей Бессарабии тоже имеют прежде всего региональный характер. Так, современное жилище разных этнических групп в пределах Бессарабии или на территории Приазовья обнаруживает большее сходство, чем жилище болгар Приазовья и болгар Бессарабии или албанцев тех же районов.

Хотя в использовании строительного материала наиболее ярко выявляется региональная специфика традиции, случается, что особенность строительной техники выступает как этническая черта. Например, у греков, болгар и албанцев Приазовья наружная отделка дома первоначально состояла в обмазке стен желтой глиной. Стены же украинской хаты непременно белились. Эта особенность украинского жилища уже в конце

⁸ Например, к середине XIX в. уже примерно половина построек болгарских колонистов представляла собой глинобитные жилища, тогда как в «Статистическом описании», характеризующем состояние на первую четверть XIX в., о них не упоминается. См. Клаус А. Указ. раб., с. 326; Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана сего края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившей по высочайшему повелению размежевание земель оной на участки, с 1822 по 1828 г. Аккерман, 1899, с. 27.

Рис. 3. Новая усадьба в с. Георгиевка Запорожской обл. Стены построек саманные, облицованы кирпичом. Фото А. В. Оськина, 1973 г.

XIX — начале XX в. была воспринята переселенцами (в это время белили даже стены домов из обожженного кирпича). В ряде сел Приазовья, где побелка наружных стен дома широко распространилась лишь в 30-е годы XX в., старожилы помнят, из каких соседних украинских и русских селений заимствовалась эта «мода»⁹. В данном случае локальная традиция, в пределах региона имеющая этнически особенный характер, расширила свой ареал и, распространившись на другие этнические группы, превратилась в общую традицию регионального характера.

Наиболее выразительными для характеристики общего и особенного в жилище рассматриваемых народов и их соседей являются отопительное устройство и внутренняя организация жилого пространства. На протяжении XIX и в начале XX в. у всех выходцев с Балкан в южной Бессарабии и Приазовье в разных видах домов бытовал кухонно-обогревательный комплекс, помещавшийся в середине дома. Он включал крытую хлебную печь, устье которой выходило в сени, а корпус — в жилую комнату; очаг, расположенный в сенях у устья печи, и прямой дымоход для вывода дыма над устьем печи и очагом.

Комплекс очага и хлебной печи, объединение которых в жилище рассматриваемых групп произошло в основном до переселения их в пределы нашей страны, на новом месте закрепился. Его срединное положение в доме определяло и особенности внутренней планировки жилища греков, болгар, гагаузов, албанцев. Именно отопительное устройство и внутренняя планировка явились теми особенностями, которые отличали жилище народов — выходцев с Балканского полуострова от жилища их восточнославянских соседей. В домах русских и украинцев в это время всегда (даже в тех случаях, когда они жили в болгарских или греческих селениях)¹⁰ были русская печь, топившаяся из комнаты, и холодные сени. Таким образом, традиция отопительного устройства и организации внутреннего пространства, будучи общей для рассматриваемых этнических групп, была локальной по отношению к большому массиву окружающего населения.

Знаменательно, что особенности внутренней планировки и отопительного устройства, более столетия служившие стойкими этнодифференцирующими признаками восточнославянских народов и выходцев с Бал-

⁹ Записи автора. Архив Ин-та этнографии АН СССР. Материалы Приазовского отряда Восточнославянской экспедиции (далее АИЭ МПОВЭ), 1973, тетр. 1, с. 68—70.

¹⁰ Записи автора. АИЭ МПОВЭ, 1973, тетр. 1, с. 67.

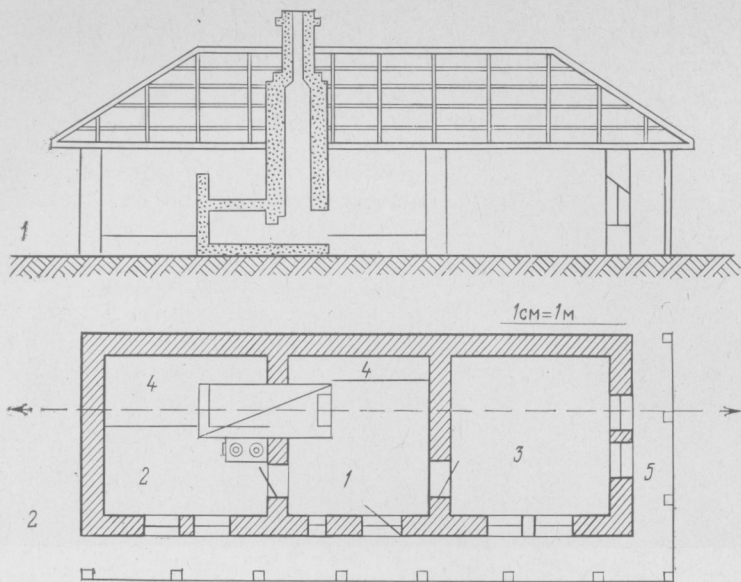

Рис. 4. Внутреннее устройство дома конца XIX — начала XX в. в с. Жовтневое Болградского р-на Одесской обл. (разрез и план): 1 — помещение типа сеней, где находятся устье печи, очаг и прямой дымоход над ними; 2 — жилая комната, куда выходит корпус печи; 3 — парадная комната; 4 — глинобитное возвышение «пат»; 5 — открытая галерея. Чертеж В. И. Агафонова, 1969 г.

канского полуострова, в начале XX в. стали сглаживаться. В результате совершенствования отопительной системы и развития планировки произошло сближение разных типов жилища, характерных для различных групп этносов¹¹. На основании нивелировки локальных, имеющих здесь этническое значение, особенностей происходило формирование более широкой региональной традиции.

Сближение разных типов жилища в данном случае представляется нам не следствием непосредственного заимствования, а скорее результатом процесса, протекающего в более широких пределах и характеризующего общий ход развития европейского жилища. Превращение холодных сеней в теплое помещение имело место (в разное время) у различных народов Европы¹².

Своеобразна (уже в другом плане) эволюция общего в прошлом для болгар, греков, гагаузов и албанцев представления о внутреннем устройстве жилого дома. Непременной частью традиционного жилища, сложившегося у всех этих народов, было глинобитное или дощатое возвышение, которое примыкало к корпусу крытой печи в жилой комнате. Такое возвышение (одър — у болгар; софа, кривет — у греков; пат-долма — у гагаузов; пат — у албанцев) было как бы средоточием жизни в доме и несло много функций. Оно использовалось в качестве спального места, там совершалась трапеза, выполнялись домашние работы, принимались гости (если для этого не было специального помещения) и т. д.

Со временем интерьер жилища у рассматриваемых групп претерпел значительные изменения. У болгар, в особенности в Приазовье, уже в начале XX в. одър имел небольшое распространение; спальным местом

¹¹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). — Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXI). М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 156—157; Чижикова Л. Н. Жилище русских. — В кн.: Материальная культура компактных этнических групп на Украине, с. 48—49.

¹² Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968, с. 50, 53, 65—66, 158—169, 197—200.

стала в основном деревянная кровать¹³. Остальные функции глинобитного или дощатого возвышения также были перенесены на иные части жилища. В настоящее время в жилищах болгар и албанцев Приазовья, как правило, отсутствует бывший традиционным в XIX в. одър или пат. Только в редких случаях в старых домах, по какой-либо причине не подвергшихся перестройке, мы обнаруживали эту конструкцию. В Одесской области она сохранилась в большей степени; и теперь в домах прежней постройки можно увидеть традиционное возвышение, но меньшего, чем прежде, размера, в дальнем от улицы конце дома.

У греков же, несмотря на то что они раньше и в большей степени, чем болгары и албанцы, подверглись урбанизации и их культура приобрела более интегрированные формы, софа бытовала не только в начале XX в., но встречается и в наши дни. При том, что софа перестала нести свойственные ей прежде многочисленные функции, сократилась в размерах и не занимает прежнего места в жилище, она имеется во многих домах разного времени и продолжает сооружаться во вновь строящихся¹⁴. Наши респонденты разных возрастов утверждали, что софа незаменима для отдыха. Кроме того, интересно, что некоторые из них называли софу «греческой».

В данном случае, на наш взгляд, это пример того, как материальный компонент своего домашнего быта, отсутствующий в современном жилище соседних народов иного происхождения, осознается в качестве этнически маркированного. Возможно, такое осознание, в свою очередь, способствует сохранению данного компонента, благодаря чему поддерживается традиция.

Традиции в одежде у рассматриваемых этнических групп в целом отличались значительной локальной вариативностью, которая сохранялась дольше, чем в жилище. Наиболее выразителен в этом отношении костюм болгар Бессарабии — выходцев из различных областей Болгарии, где носили разные типы одежды — поясную, сукманную (сукман — одежда типа сарафана), распашную. Одежда болгарского населения во второй половине XIX в. еще имела общие черты с одеждой жителей тех мест, откуда оно прибыло; сохранялись и местные названия ее деталей¹⁵.

И все же на территории нашей страны одежда болгарских переселенцев претерпела эволюцию. Здесь сложился единый тип женского костюма, ставший традиционным. В его основе лежал сукман. Большое распространение в составе костюма получило более позднее платье (отрезное, присборенное по талии, с длинными рукавами), сформировавшееся на сукманной основе под влиянием городской моды. Примечательно, что сходное развитие костюма происходило также во многих районах Болгарии. Болгарские исследователи, отмечая большое число вариантов сукмана в различных областях Восточной и Западной Болгарии, считают этот тип женской одежды наиболее распространенным в стране в прошлом¹⁶. Они полагают, что сукманный тип одежды был самым пригодным по уровню своего развития для дальнейшей модификации в эпоху национального возрождения. Именно тогда городская мода, ориентировавшаяся на европейскую культуру, оказала большое воздействие на народную одежду болгар и способствовала созданию новых традицион-

¹³ Державин Н. С. Болгарские колонии в России, т. I, с. 81.

¹⁴ Будина О. Р. Жилище болгар, греков, албанцев, с. 111—113; *ее же*. Развитие жилища в этнически смешанной среде (по материалам греков Донецкой области УССР). — В кн.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины, с. 119, рис. 14, 15.

¹⁵ Об одежде болгар юго-западных районов см.: Маркова Л. В. Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР...; *ее же*. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар.

¹⁶ См.: Велева М. Г., Лепавцова Евг. Ил. Български народни носии, т. II (Български народни носии в средна западна България и средните и западните Родопи от края на XVIII до средата на XX в.), София, 1974; т. III (Български народни носии в Източна България пред XIX и първата половина на XX век), София, 1979.

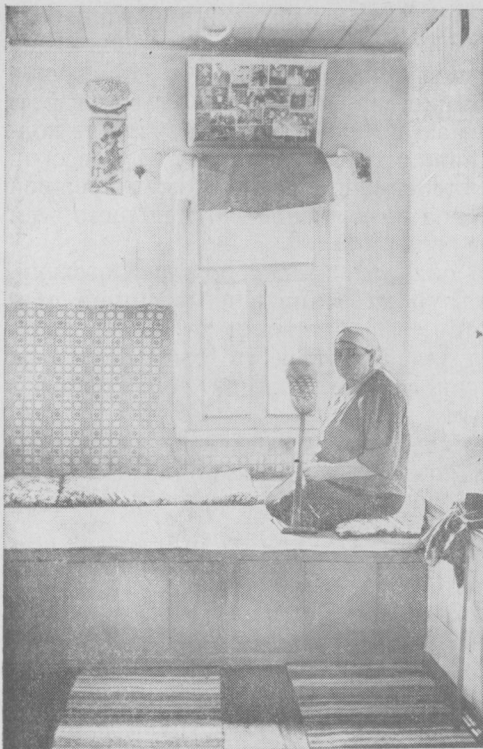

Рис. 5. Софа в греческом доме (с. Богатырь Донецкой обл.). Фото А. В. Смагина, 1971 г.

ных форм одежды, которые в XIX — начале XX в. получили широкое распространение в городах и связанных с ними селах Болгарии¹⁷.

То, что у части этноса в новых районах обитания формирование одежды шло по тому же пути, что и на основной его территории, указывает, с одной стороны, на естественность данного развития костюма, с другой — на достаточную прочность культурно-бытового компонента балканского происхождения в этой сфере. Последнее подтверждается и тем, что поясная одежда украинцев и молдаван, соседствующих в южной Бессарабии с болгарскими, не оказала воздействия на их одежду¹⁸.

Гагаузки и албанки в южной Бессарабии и Приазовье носили такой же костюм, как и болгарки. Сукман и платье с длинными рукавами широко бытовали в албанских и гагаузских селениях в конце XIX — первых десятилетиях XX в.¹⁹

Что касается платья албанских женщин, вряд ли оно было вынесено непосредственно с предполагаемой родины албанцев (юго-восточная Албания, район г. Корчи), которую они покинули за два-три столетия до переселения в Бессарабию²⁰. Нам оно представляется более поздним приобретением, относящимся ко времени дальнейшего длительного и тесного соседства албанцев с болгарскими. Однако во всех случаях платье на сукманной основе, так же как и сам сукман, у выходцев с Балкан относится к культурному слою балканской общности.

Источником распространения такого платья среди сельских жительниц как болгарской, так и гагаузской и албанской принадлежности (в том числе района г. Корчи, который, кстати, являлся старым ремесленным и торговым центром, имеющим широкие внешние связи) был балканский город. При этом проникновение городского платья в разную этническую и социальную среду могло быть разновременным.

Также влиянием города, в этом случае уже российского, можно объяснить появление в женском костюме всех рассматриваемых групп — греков, болгар, гагаузов, албанцев — так называемой «пары», или «двойки» — юбки и кофты, сшитых из одинаковой фабричной материи. У греков, которые интенсивнее других групп усваивали бытовую культуру города, «двойка» в начале XX в. нашла наибольшее распространение.

¹⁷ Велева М. Г., Лепавцова Евг. Ил. Указ. раб., т. III, с. 8, 25—26; Българска народна култура. София, 1981, с. 140.

¹⁸ Федоров Г. Б., Салманович М. Я. Этнокультурные комплексы по данным материальной культуры (Исследования в Прутско-Днестровском междуречье). — Вестник АН СССР, 1970, № 8, с. 65; Зеленчук В. С. Основные типы традиционной молдавской народной одежды. — В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 89.

¹⁹ Маруневич М. В. Некоторые особенности материальной культуры гагаузов Одесской области. — В кн.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины, с. 165—166; Иванова Ю. В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде..., с. 98.

²⁰ Об этом см.: Иванова Ю. В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде..., с. 98.

Вероятно, и платье (в талию, со вшивными рукавами), вытеснившее у греков в середине XIX в. костюм, имевший черты татарского влияния²¹, было также следствием воздействия городской моды.

Женский традиционный костюм, сложившийся на основании балканского компонента, оказался весьма устойчивым в болгарских и албанских селениях Приазовья. Здесь до сих пор пожилые женщины сохраняют традиционное платье сукманного типа. Шьют его из фабричной материи и носят как повседневную и праздничную одежду. В полном составе комплекс с платьем дополняется и теперь передником, нагрудными украшениями и своеобразно повязанным платком²².

Интересна судьба традиционного головного убора женщин, являющегося очень важной частью всякого народного костюма.

На Балканах был хорошо известен полотенчатый головной убор. Среди интересующих нас этнических групп на территории Украины подобный головной убор прослеживается у греков. В XIX в. полотенчатый убор — перифтар имела каждая замужняя гречанка (его готовили к свадьбе и надевали перед венчанием). В начале XX в. перифтар в основном перестал бытовать и встречался лишь у пожилых женщин в составе праздничного костюма²³.

Имеются некоторые данные (они не носят массового характера) о полотенчатом головном уборе у ольшанских болгар (Кировоградская область), которые ранее других болгарских групп обосновались на Украине²⁴. Болгары, живущие в южной Бессарабии и Приазовье, его, видимо, не имели.

У албанцев подобного головного убора на территории нашей страны также не отмечалось (хотя он входит в некоторые комплексы традиционных костюмов в Албании)²⁵.

Таким образом, известная в целом всей балканской общности традиция полотенчатого головного убора нашла на Украине весьма локальное выражение — он широко бытовал лишь у греков. Возможно, это связано с культурными контактами на Крымском полуострове, где эта группа провела значительное время, — полотенчатый головной убор был известен и крымским татарам²⁶.

Рис. 6. Женщина в традиционной одежде (с. Георгиевка Приазовского р-на Запорожской обл.). Фото А. В. Оськина, 1973 г.

²¹ Иванова Ю. В. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей, с. 45.

²² АИЭ МПОВЭ, 1973, 1975. Фотоматериалы.

²³ Иванова Ю. В. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей, с. 46—47.

²⁴ Наулко В. И. Указ. раб., с. 240.

²⁵ См. Народное искусство в Албании. Костюмы, текстиль, галантерея, гравюры на металле и на дереве и жилые дома. Художник Димитр Мбориа. Этнограф Ррок Зойзи. Тирана, 1959.

²⁶ См.: Наулко В. И. Указ. раб., с. 248; Иванова Ю. В. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей, с. 47.

Рис. 7. Женщина в традиционной одежде (с. Девненское Приазовского р-на Запорожской обл.). Фото А. В. Оськина, 1973 г.

Балкан, а точнее, из Болгарии (болгар, албанцев, гагаузов) порой все еще можно узнать по этой особенности.

Обратимся еще к примерам из свадебной обрядности; характеризующим некоторые ее материальные компоненты.

У балканских народов среди различных свадебных атрибутов красного цвета в прошлом было известно покрывало, которое накидывали на голову невесты³⁰. Обычай покрывать в определенный момент свадьбы голову невесты красным платком в XIX—начале XX в. отмечался и у выходцев с Балкан, живущих в пределах Украины³¹.

В дальнейшем эта традиция не была совсем забыта ни в южной Бессарабии, ни в Приазовье. У болгар Болградского района Одесской области она нашла выражение и в современности³². В болгарских же селах Приазовья в 1920-е годы голову невесты покрывали красным платком, а в наши дни «крестная мать» (она продолжает играть важную роль в

Болгарские, гагаузские и албанские женщины в южной Бессарабии и Приазовье в XIX—начале XX в. покрывали голову различного вида платками²⁷; они имеют аналогии и в народном костюме Болгарии²⁸. В наши дни набор таких платков сильно изменился. Но некоторые традиционные способы повязывания платка продолжают сохраняться до сих пор. Так, покрывая голову, концы платка закладывают с обеих сторон у подбородка, закрепляют или завязывают сзади на затылке, либо сбоку и т. д.²⁹ Хотя девушки и молодые женщины в болгарских, гагаузских и албанских селениях теперь часто ходят без головного убора, обычай покрывать голову платком все еще продолжает быть характерным для этих селений. Традиционный же способ повязывания платка в сочетании с одеждой любого покроя придает костюму своеобразный, можно сказать этнический характер. Потомков выходцев с

²⁷ АИЭ МПОВЭ, 1973. Копия фотографии 1915 г. (Приазовье); Маруневич М. В. Некоторые особенности материальной культуры гагаузов Одесской области, с. 168—169; Българска народна култура, рис. 91 (Бессарабия, нач. XX в.).

²⁸ См. Велева М. Г., Лепавцова Евг. Ил. Народная одежда болгар, т. I.—Народная одежда болгар в Северной Болгарии в XIX и начале XX в. София, 1961, с. 16, табл. 21, 65а; *их же*. Български народни носии, т. II, табл. 38, 39, 44, 63 и др.

²⁹ АИЭ МПОВЭ, 1973, 1975. Фотоматериалы.

³⁰ Hahn J. Albanesische Studien. Iena, 1854, S. 145; Велева М. Г., Лепавцова Евг. Ил. Народная одежда болгар, т. I, с. 23, 271, табл. 4; *их же*. Български народни носии, т. III, с. 122, табл. 86; Българска народна култура, с. 142; Кизлинг Г. Албания. Лейпциг, б/г, илл. 126.

³¹ В. А. Мошков писал, что воспоминания об этом обычае сохранились у гагаузов Бендерского уезда, а Н. С. Державин отмечал его для болгар Бердянского уезда. См.: Мошков В. А. Указ. раб.—ЭО, 1901, № 1, с. 122; Державин Н. С. Болгарские колонии в России, с. 139; см. также: Наулко В. И. Указ. раб., с. 237, 240; Иванова Ю. В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде..., с. 99; Курогло С. С. Указ. раб., с. 69.

³² Демиденко Л. А. Указ. раб., с. 74—75.

свадьбе) иногда дарит невесте вместе с отрезом на платье кусок красной ткани, который та держит в течение определенного времени перекинутым на руке вместе с другими дарами. Называют эту красную ткань «було» — так же, как красное покрывало и красный платок, применявшиеся прежде в свадебном обряде³³. В данном случае некогда общая для балканских народов традиция, потеряв свою функциональную значимость и изменив способ выражения, обнаруживается в определенном материальном и вербальном обозначении.

При рассмотрении даров, фигурирующих в свадебном обряде у болгар, греков, гагаузов, албанцев, обращает внимание обязательное наличие подарка из съестных припасов, который подносят определенным свадебным чинам в фиксированные моменты свадьбы. Обычай такого подношения, несущего функцию почетного угощения, отмечается для XIX в.³⁴ и имеет, по всей вероятности, древние корни. У болгар, албанцев и гагаузов основу этого подарка в наши дни, как и прежде, составляют каравай и вареная курица (варианты различаются дополнениями к ним). «Угощение» подносят уложенным в ткань, завязанную в виде узла («каниска» — алб., гагауз.). Определенная трансформация обычая может усматриваться во встречаемом иногда изменении способа подношения подарка (его составные вручают отдельно, вареная курица заменяется живой), а также, видимо, в более широком, чем прежде, использовании «каниски» в свадебном обряде³⁵ (кстати, то же относится и к другим свадебным дарам).

Здесь общее находит выражение, на наш взгляд, с одной стороны, в сохранении вплоть до нашего времени приверженности потомков выходцев с Балкан более ранней, общей для них традиции, с другой — в тенденции к расширению и обогащению материального компонента свадьбы, наблюдаемой ныне в развитии свадебного обряда у разных народов нашей страны.

Рис. 8. Гостя с традиционным свадебным подношением «каниска» (с. Георгиевка Запорожской обл.). Фото А. В. Оськина, 1973 г.

* * *

Итак, не предполагая в данной статье всесторонне рассмотреть культуру живущих на Украине и в южных районах Молдавии болгар, греков, гагаузов, албанцев, мы проанализировали несколько примеров (число

³³ Будина О. Р. Научный отчет об экспедиционной работе Приазовского отряда в 1975 году, с. 13—14 (хранится в АИЭ).

³⁴ Мошков В. А. Указ. раб.—ЭО, 1901, № 1, с. 111, 113, 119; Демиденко Л. А. Указ. раб., с. 74; Курогло С. С. Указ. раб., с. 63; Ксенофонтowa-Петренко О. Н. Семейные обряды в селе Сартана.—Культурно-бытовые процессы на юге Украины, с. 176, 177.

³⁵ Будина О. Р. Научный отчет об экспедиционной работе Приазовского отряда в 1973 г., с. 21. Фотоматериалы 1973, 1975 гг. (хранится в АИЭ).

Рис. 9. Свадьба. Проводы с «каниской» кумы и кума (с. Георгиевка Запорожской обл.). Фото А. В. Оськина, 1973 г.

их могло быть значительно увеличено) проявления культурной традиции, достаточно убедительно, как нам представляется, свидетельствующих о постоянном, и в то же время в разной форме протекающем ее динамическом развитии.

Каждой культурно-бытовой ситуации, отражающей определенный момент этнокультурного процесса, свойственно тесное переплетение разных по времени возникновения и происхождению элементов. Для анализируемых нами ситуаций это, видимо, особенно характерно. В силу сложности исторических судеб изучаемых групп здесь в качестве взаимодействующих наряду с новыми явлениями выступают и явления, сформировавшиеся в прошлом (на разных этапах), на иной, по сравнению с нынешним местом обитания, территории, под действием уже исчезнувших факторов. Таким образом диалектика общего и особенного в исследуемом материале находит многообразное выражение.

Обращает на себя внимание значительная разномасштабность как общих, так и локальных традиций у рассматриваемых групп. В качестве локальной (всегда частной по отношению к более крупной единице) выступает традиция сравнительно ограниченного региона (например, Приазовье, Украина, Болгария и т. д.) или традиция одной из этнических групп, живущих в полиэтническом регионе. Общей традиция оказывается порой как для изучаемых групп, так и для всех балканских народов, либо в целом для жителей Украины или даже Советского Союза. При этом актуальность той или иной традиции в разные моменты неодинакова и порой сопряжена с действием различных факторов.

В характере культурной традиции, обусловленном этнической либо региональной спецификой, обнаруживается, как мы пытались показать, непостоянство: традиция, выступающая в определенный момент в качестве этнической, может стать общей для этнически смешанного населения региона, т. е. превратиться в региональную. Региональная же традиция, потеряв свое значение и сохраняясь у одной из этнических групп, может превратиться на каком-то этапе в этническую. Подобной трансформации, связанной со свойственной традициям пластичностью и способностью к вариативности³⁶, подверглись некоторые культурные компоненты балканского происхождения, выраженные в той или иной форме у изучаемых групп.

³⁶ См. Чистов К. В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования.— Сов. этнография, 1981, № 2, с. 106—107.

Приведенные нами примеры, свидетельствующие об условности разграничения традиций, позволяют, вместе с тем, охарактеризовать в качестве общих и локальных такие взаимодействующие традиции как общеевропейские и более узких регионов; присущие родственной (или близкой в культурном отношении) группе этносов и отдельной этнической группе; общесоветские и этнические (либо региональные) и т. д. То, что эти традиции соотносятся с историко-культурными общностями разных видов и разного таксономического ранга, лишь отражает сложную взаимозависимость реальных этнокультурных явлений.

В заключение отметим также, что обнаруженная изменчивость в соотношении традиций, отражающая культурно-бытовое развитие в каждый определенный момент, еще раз подтверждает известное, но всегда актуальное для этнографического исследования, положение о временной обусловленности и динамичности понятия «традиционная культура».

В. А. Александров

ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА В РУССКОЙ ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОЙ КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНЕ (XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

Под понятием «обычное право» в отечественной литературе со второй половины XIX в. подразумеваются неписанные, основанные на обычаях нормы, регулировавшие внутридеревенскую хозяйственную, бытовую и семейную жизнь, а также различные гражданские отношения крестьян между собой (сделки, соглашения и т. п.), и определявшие меры борьбы с правонарушениями.

Обычное право — сложное и многофункциональное явление. Его исследование выходит далеко за пределы собственно юридической науки. Проблема обычного права в эпоху феодализма может решаться только во взаимосвязи, с одной стороны, с историей развития права феодального государства, упорчившего привилегии господствовавшего класса — дворянства, с другой — с историей крестьянства как сословия, с учетом его социального и экономического положения, внутрисословных особенностей хозяйственного быта и семейного строя.

Социальная обособленность крестьянства как сословия феодального общества, замкнутого в рамках сельских общин, обуславливала неизбежность стойкого функционирования совокупности обычно-правовых норм. Обычное право было регулятором хозяйственно-экономических и гражданских отношений крестьян внутри общин. Оно отражало многовековой хозяйственный опыт крестьян и, вместе с тем, являлось опорой общины в борьбе с феодалами против эксплуатации, за право хозяйствования.

Теоретической основой подхода к пониманию истории обычного права и его значения может быть формулировка К. Маркса: «правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа..., наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях»¹. Будучи явлением социальным, обычное право с изменением социально-экономических условий, в которых существовала феодальная деревня, не могло оставаться статичным.

Важнейшим элементом общинной хозяйственной жизни было землепользование. Его порядок определялся обычно-правовым статусом отдельных видов эксплуатируемых угодий. Судя по имеющимся исследованиям, посвященным крестьянскому землепользованию, к XVII в., т. е. к началу закрепощения, крестьянство подошло с наследственным под-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6, 7.